

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ «УЛЬМСКОЙ НОЧИ»

Л. Ленин на следующий день после восстания спрашивал Троцкого: «Как вы думаете, они теперь нас всех перестреляют?» Вопиющее бесстыдство обоих вождей особенно чувствуется в их презрении к тем «министрам-капиталистам», которых они называли «палачами рабочего класса» и которые их в июле не расстреляли. Что сделали бы они сами в случае военного восстания и своей победы! И действительно, со стороны «министров-капиталистов» тут было нечто худшее, чем ошибка. Отдана была дань лицемерию и какой-то исторической акустике. Вы сами говорите, что без Ленина Октябрьской революции бы не было. Сколько же бедствий миновало бы человечество, сколько миллионов людей было бы спасено, если б гуманисты 1917 года решились расстрелять несколько человек! Я еще это понял бы, если б дело заключалось в глубоком и принципиальном отрицании смертной казни - тогда я бы сказал только, что людям, по-настоящему ее отрицающим, нечего делать в революции и незачем в нее соваться. Но эти самые гуманисты остались у власти, продолжали делать громкую политическую карьеру - смертную казнь на фронте. Казнить ведущих мир к гибели вожakov было нельзя, но расстреливать несчастных, темных, невежественных солдат, желавших просто спасти себя, было можно: их никто не знал, русские и иностранные газеты о них не писали, на этом нельзя было потерять благосклонность отечественных и западных друзей слева и можно было остаться иконами великой бескровной...

А. Во всяком случае, главная и очень тяжелая ошибка Временного правительства заключалась в том, что оно не расправилось с большевиками после своей победы 4 июля».

Однако многие из тех, кто сегодня с удовольствием читает исторические произведения мастера, вряд ли задумываются над тем, что Алданов стал еще и одним из самых глубоких мыслителей XX века. Он был философом, размышлявшим над страшными событиями прошлого и, естественно, настоящего. Того безумного кровавого водоворота, от которого он сначала спасся, уехав в 1918-м в Европу в составе делегации союза запрещенных большевиками партий, а потом, спустя двадцать один год, - в США в ранге писателя мирового уровня, в ореоле опасной славы мыслителя, за которым охотились нацисты.

Там, в Америке, Алданов все время возвращался к осмыслению причин событий, современником которых ему довелось быть. Результатом этого и стала знаменитая книга «Ульмская ночь». Этот сборник философских диалогов - одна из самых известных работ XX века, в которой Алданов еще и еще раз настаивал на своей точке зрения, которая была очень простой: в истории нет никакой закономерности, всем правит случай. Исторических законов не существует, везде все определяют какие-то обстоятельства, которые каждый день и час выстраивают историю.

В союзники себе Алданов взял Рене Декарта. Великий французский математик и фило-

соф, оказывается, видел в 1619 году в местечке Ульме удивительный сон. Как-то будущий классик науки отправился во Франкфурт, где присутствовал на коронации германского императора Фердинанда II, а затем решил уединиться в Ульме в хижине, дабы поразмышлять над жизнью и историей. Там ему и привиделся Бог, который указал ему дорогу жизни. На следующий день Декарт записал в дневнике: «И начал я понимать основы изумительного».

Этим основам изумительного, бессмысленным попыткам найти логику в исторических событиях, отыскать ответ на великий пушкинский вопрос: «Иль наша жизнь обман пустой/ Насмешка неба над землей» и посвятил Марк Алданов свою «Ульмскую ночь», которой дал подзаголовок «Философия случая».

Книга построена в форме диалогов двух собеседников - Л и А. Ни для кого не было секретом, что настоящая фамилия Алданова была Ландау. Таким образом писатель разделил самого себя на двух собеседников, которые и обсуждают то, что определило мировую историю - переворот 9 термидора во Франции, войну 1812 года, Октябрьскую революцию и Вторую мировую войну. Спорящие, принимая во внимание результаты исторических катаклизмов, никак не могут сой-

тись во мнении о наличии какой-либо закономерности последующих событий.

А. Мы говорим только о военных делах. Что же сказать и как, при помощи каких чисел выразить, измерить, сравнить вероятности причин самой войны 1812 года? Историки дают десятки причин политических и психологических (начиная, разумеется, от честолюбия Наполеона и его страсти к войнам). В действительности, их было тысячи. Уверены ли Вы, что комета 1811 года и не была одной из них? Люди верили (быть может, верил и сам Наполеон), что эта комета предвещает нечто грозное, неизбежное, неотвратимое. Они считали ее предзнаменованием и тем самым невольно превращали ее в причину: с неотвратимым не спорят.

Л. Иными словами, Вы, скажу еще раз, считаете невозможным какое бы то ни было научное объяснение причин огромного исторического события».

Может быть, действительно грозная комета способствовала решению начать войну 1812 года? И что было бы, если б Сталина меньше дразнили в семинарии, а Гитлер состоялся бы как художник? Если бы Николай II сумел не вступить в войну? Если б Юденич взял Петроград? Список таких вопросов каждый из нас мог бы продолжать бесконечно, в том числе и, естественно, в отношении нашего недавнего прошлого.

Но Алданов не был бы Алдановым, если бы, выстраивая столь сложные философско-исторические конструкции, не предложил свои способы благодетельствования человечества - «Выборную аксиоматику». Лучшие умы человечества, собравшись вместе, выбирают, что именно принять для себя за аксиому, куда направить усилия. И самое интересное, что Алданов не сомневался, что действительно можно было бы организовать встречу самых достойных людей мира, которые выбрали бы единую систему «выборных аксиом». И мир зажил бы...

Мечты остаются мечтами, а настоящие, великие философские и исторические труды навсегда становятся бесценной основой золотого духовного багажа человечества. И, безусловно, «Ульмская ночь» уже хранится в этой кладовой.

Полосу подготовил Виктор ЛЕОНИДОВ

Рос. вестн. - 2003 - 9 апр. - с. 18

То, что вы только что прочли - строки знаменитой книги Марка Алданова «Ульмская ночь: Философия случая», увидевшей свет в нью-йоркском издательстве имени Чехова пятьдесят лет назад.

Марк Александрович Алданов всю жизнь смертельно боялся кого-либо обидеть. Безукоризненный джентльмен, один из самых известных писателей русского Парижа между двумя мировыми войнами, он вошел в историю прежде всего как классик исторического романа, как автор многотомных эпопей о знаменитых российских и европейских исторических личностях. Эрудиция Марка Александровича была потрясающей. Он путешествовал по векам и странам и, казалось, сам был очевидцем событий, которые воскрешались под его пером. Алданов ненавидел тоталитаризм, большевиков и, естественно, фашистов, от которых во время оккупации Франции ему пришлось бежать в Америку.

Еще Марк Александрович был блестящим мастером политического портрета, журналистом, эссеистом. Перечислять заслуги писателя, которым зачитывались тысячи людей, можно было бы очень долго.